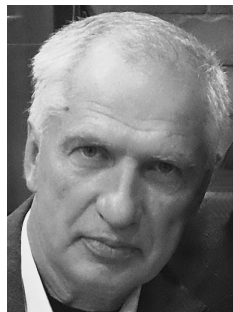

Валерий Жехай

РАССКАЗЫ

МАКУЛАТУРА

Сергачеву пошел шестьдесят четвертый год, когда он стал работать сторожем в школе. Днем выдавал учителям ключи от классов, следил за порядком в фойе здания, подавал звонки, а по ночам обходил территорию, чтобы погонять местных подростков. Иногда те с помощью баллончиков с краской соревновались в искусстве рисунка на стенах школы.

Поначалу, выйдя на пенсию на заводе, где он работал наладчиком оборудования, Сергачев продолжал трудиться там же. Но дома случилась беда: трагически погибла его жена Вера. Место хозяйки большого семейства – муж, сын, невестка и внук – оказалось свободным. Так подоспела для Сергачева другая работа, без зарплаты, но не менее важная: следить за порядком в доме, помогать невестке на кухне, приглядывать за внуком Генкой, студентом института. В домашних хлопотах прошло три года. Когда Юрий, сын Сергачева, взял кредит на покупку мебели, оказалось, что без еще одной зарплаты не обойтись. Семья не бедствовала, но доходов сына – терапевта в поликлинике, его жены – бухгалтера и пенсии Сергачева не хватало, чтобы оплачивать учебу Геннадия и осилить кредит. Сергачев не стал возвращаться на завод – пятидневка не оставляла времени для дома. Так Сергачев оказался в школе, где график работы сутки через трое как нельзя лучше подходил для данных обстоятельств.

Заканчивался май. Выпускники школы, возбужденные предстоящими экзаменами, кучковались группами, что-то обсуждали, спорили, а детвора младших классов включилась в сбор макулатуры. Это было третье дежурство Сергачева. Вот хлопнула входная дверь, и вмиг загомонило, ожило фойе школы, и бетонный пол коридора отозвался топотом ребячьих ног. Сергачев, сидя в своей будке напротив входа, глядел, как школьники носят в кладовую пачки бумаги, газет, картона. В кладовой, в углу фойе, переодевались дворники и уборщицы, там же хранился их инвентарь. Теперь лопаты, метлы, ведра сдвинули к стене, а центр стали забрасывать макулатурой. Одна из пачек у детей развалилась, из нее выпала книга, да так и осталась лежать в коридоре. Сергачев поднял ее, хотел отнести в кладовую,

но передумал. «Толстую, в хорошем переплете книгу в утиль!» – удивился он. Прочитал на обложке: «Валентин Распутин. Повести». Открыл первые страницы, увидел штамп библиотеки. Остановил пробежавшего мимо ученика.

– Откуда это?

Тот глянул на книгу.

– В библиотеке отдали. Там еще много осталось.

– Ваша учительница знает, что вы книги носите в макулатуру?

– Светлана Николаевна сама нас туда привела.

Школьник убежал. Сергачев оставил книгу у себя, подошел к кладовой. В центре ее уже росла куча перевязанных пачек, вперемежку с отдельными листами бумаги, старыми журналами, брошюрами, книгами и кусками картона. Вокруг Сергачева громко звучали детские голоса, школьники с азартом несли новые пачки в кучу, толкали друг друга, хохотали и убегали обратно на улицу. Сергачев хотел поднять одну из книг, но передумал. «Успею, – решил он. – Вечером зайду, посмотрю». Вернулся на свое место. «Неужели закрыли библиотеку? – недоумевал он. – Но даже если закрыли, зачем книги выбрасывать?» Еще раз прочитал на обложке имя автора и задумался. Это же тот самый, который написал про дезертира.

Окажись на месте Сергачева другой человек, равнодушный к чтению, возможно, этот случай с библиотечной книгой прошел бы незамеченным. В семье кроме Сергачева-старшего никто не отличался охотой к чтению. Домашние не понимали, почему этот страстный интерес к судьбам книжных героев так увлекает главу семейства. А Сергачев, читая, всегда хотел узнать, что произойдет дальше, чем закончится история. Часто ставил себя на место героев, одобрял их действия. «Правдиво написано, как в жизни, – рассуждал он. – Сам бы так поступил». Но попадались книги и тех авторов, с которыми Сергачев, следуя своим принципам и жизненному опыту, готов был поспорить. И надо же такому случиться, что книга такого писателя сейчас лежала перед ним. Сергачев умом понимал, что дезертирство – сродни предательству, но сердцем, какими-то тайными мыслями был на стороне беглеца. Что может быть постыдного в том, чтобы выжить в самом конце войны! Ну, убила бы его шальная пуля, ни для кого не предназначенная, разве от этого война закончилась раньше? То были мысли не просто человека, прожившего всю жизнь под мирным небом и не знавшего, что значит защищать Родину, а мысли отца, готового спасти, оправдать своего ребенка, что бы тот не натворил. Помнится, Сергачев представил на месте дезертира своего Юрку. Неужели не помог бы укрыться? Даже не раздумывая... Легко осуждать, когда речь идет о чужих людях. А то, что автор презирал дезертира, было видно на каждой странице. Не понимал Сергачев и того, почему беглецу помогали укрываться не отец с матерью, а жена? Родная кровь любую другую родственность пересилит, не то что жена, человек пришлый в доме мужа. Тем более молодую пару долгие годы даже ребенок не связывал. В довоенной жизни как ни старались, а Бог не дал им маленького. А тут случилось! Не ко времени и не к месту не убереглась женщина, понесла, дала повод сельчанам и органам заподозрить неладное. И, наконец, зачем писатель утопил женщину, в которой еще одна жизнь зрела? Чтобы через нее не нашли дезертира? Мол, живи и помни, мучайся. Так не будет мучиться, товарищ писатель. У беглеца на кон было поставлено главное – жизнь, и меньше всего его беспокоило, кто может оказаться в заложниках: отец, мать или жена. Судьба выпала жене.

По справедливости, спорил Сергачев с автором, должен погибнуть беглец, если ты его так презираешь, но женщина должна остаться жить. Не было на ней вины ни перед Богом, ни перед людьми. Неправильно это. Не хотел, не мог Сергачев даже подумать о том, что в жизни часто нет места ни справедливости, ни правде.

Сергачев не заметил, как к будке подошла молоденькая учительница, заглянула в окно.

– Что читаете?

Сергачев отложил книгу.

– Валентин Распутин. Мальчишки макулатуру собирают, выпала из пачки.

– Распутин? – Девушка задумалась. – Не знаю. Хороший писатель?

– По телевизору недавно сообщили, что он умер.

– А, раз сообщили по телику, тогда хороший.

– Вам ключ?

Девушка забрала ключ, назвала свою фамилию. Сергачев записал в журнал.

Под вечер, когда он решил, что из школы все ушли, открыл дверь кладовой. Пахло бумагой, в свете люстры спицей стояла струйка пыли. Сергачев присел, стал просматривать книги. Их было много. Попадались разрозненные тома Чехова, Толстого, Куприна... «Вот дела! – удивлялся Сергачев. – В прошлое время подписные издания доставали по блату, а нынче их в макулатуру». Книги были изданы в советские годы, но хорошо сохранились. И в каждой на 17-ой странице стоял штамп библиотеки.

Сам Сергачев не пользовался библиотеками. Новые книги там не появлялись, а те, что стояли на полках, были у Сергачева дома, многие из них он уже читал. Зато часто заходил в магазины, в надежде купить что-нибудь современное. Брал книги в руки, листал, но не покупал. «Почему вы такие дорогие! – злился он. – Ведь это не мебель, не машина».

Сергачев отобрал несколько книг из кучи, сложил в пакет. При выходе из кладовой столкнулся с директрисой.

– А я думаю, куда наш сторож подевался? – строго спросила она. – Что вы тут делаете?

Невысокая женщина, прищурив маленькие глазки, внимательно глядела на сторожа сквозь линзы стекол снизу вверх.

Сергачев растерялся.

– Простите. Я только на минутку. Решил спасти несколько книг, – виновато улыбнулся он, переложил пакет с книгами в другую руку.

– Не поняла, от чего спасти?

Директриса подняла одну книгу с пола, оглядела ее. Подошла завхоз, полная женщина под пятьдесят, в рабочем халате.

Лидия Николаевна, разберитесь со своим подчиненным, – продолжала директриса тем же строгим тоном. – Кого только не принимаем на работу, тянут все, что плохо лежит. Уже до макулатуры дошло.

Сергачев будто ожог испытал. После слов директрисы он готов был провалиться сквозь землю. Его обвиняют в воровстве! Отчаяние охватило его, но вслед за этим в душе всколыхнулось чувство возмущения.

– Да гляньте же! Целые страницы, крепкие обложки... Ну, если книга совсем растрепалась, тогда другое дело. А тут многие будто из типографии, а их в утиль! Ничего, что со штампами, хуже от этого они не стали.

Сергачев чувствовал, как задыхается от волнения.

– Лидия Николаевна, объясните нашему сторожу его обязанности, если до сих пор вы этого не сделали.

В глазах завхоза мелькнула тревога. Она принимала Сергачева на работу, теперь ей отвечать за него.

– Елена Андреевна, у него документы в порядке. Я смотрела. И в отделе кадров смотрели.

– Я понимаю, характеристика, трудовая... Мы сами сколько хороших характеристик написали?

Директриса бросила книгу в кучу с макулатурой.

– Постарайтесь как можно скорее организовать машину, чтобы вывезти макулатуру. А то через неделю тут ничего не останется. Дурной пример заразительный. И вот что еще. Завтра утром в девять зайдите ко мне.

Директриса ушла.

– Что же вы, Семен Антоныч!

Завхоз глядела на сторожа с неприязнью.

– Директор права, у школы план по сдаче макулатуры, а вы...

– Да я взял то... – Сергачев показал пакет с книгами. – Всего четыре. Жалко, что их выбросили.

– Мне, может быть, тоже жалко, но не наше дело, если библиотеки их списали. У них свои правила, не нам их устанавливать.

– Как же не наше! – изумился Сергачев. – Какой пример мы подаем детям. Это же книги! Газеты, старые журналы, брошюры, картон... Это понятно, макулатура, – продолжал он уже спокойней, неторопливо. – Я сам был школьником, мы тоже собирали макулатуру и металлолом, соревновались классами, но хорошо помню, что учителя строго запрещали приносить из дома книги и металлическую посуду.

– При чем тут посуда, – с отчаянием вскрикнула завхоз. – Не понимаете, что ли? Дождались бы, когда все уйдут, у вас время до утра. Сама хотела пару книг взять. А теперь...

Наступила пауза. Было слышно, как за окном кричат мальчишки.

– Меня уволят? – тихо спросил Сергачев, отведя взгляд в сторону.

– Ступайте на свое место, Семен Антоныч. – Завхоз глубоко вздохнула. – Что сейчас гадать?

– У меня к вам просьба. – Сергачев помолчал. – Завтра после разговора с директрисой позвоните мне домой.

– Да идите уже.

Завхоз безнадежно махнула рукой и ушла.

Оставшись один, Сергачев поднял пакет с книгами, вынул их и аккуратно сложил стопкой рядом с общей кучей. На душе было противно, в какой-то миг он пожалел о том, что сделал. «Все равно, так нельзя», – думал он, возвращаясь к себе. Книгу Распутина спрятал в свою сумку. «Семь бед – один ответ. Кукиш вам, – решил он. – Это книга, а не макулатура. Выполняйте план без нее». Потом он сидел на стуле в будке, прислушивался, как шелестят по соседней дороге машины, думал о том, что его, скорее всего, уволят.

Впервые в жизни Сергачева обвинили в воровстве, и хотя своей вины он не чувствовал, досада и обида не покидали его весь вечер, всю ночь. Он пытался

придумать для домашних легенду своего увольнения. Кто поверит в историю с книгами и макулатурой? Так повелось, что Сергачев никогда не врал ни жене, ни сыну, ни друзьям и, дожив до старости, так и не научился этому. Его совесть была чиста, он жил открыто, без тайн, которые надо оберегать от посторонних глаз и ушей, а значит, всегда быть готовым на ложь. Ворочаясь на диване в учительской раздевалке или прогуливаясь вокруг школы в ночной тишине, он так ничего и не придумал. Его легенды получались наивными и нелепыми. Передав смену и возвращаясь рано утром домой, Сергачев решил рассказать все, как было. «Поверят или нет – их дело, – думал он. – Ничего доказывать не буду». Поглядел на часы. «Наверное, Юрка еще дома. Хорошо бы поговорить с ним одним. Кто, как не он, родной человек, лучше поймет».

Когда он пришел домой, Нина готовила завтрак. Сергачев зашел на кухню.

– Во вторую сегодня? – спросил он.

– Юра с двенадцати, а я ухожу через час.

– Генка дома?

– Убежал, даже не позавтракал. Как дежурилось?

Сергачев не ответил.

– Пусть Юрка зайдет, поговорить надо. Ты побудь в комнате.

– Что случилось? – испуганно спросила Нина, почувствовав в голосе свекра тревогу.

– Зови.

Сел на табурет, сумку положил на пол.

Нина ушла и вернулась с мужем. Тот был одет по-домашнему, в руках держал газету. Сергачев с укором глянул на женщину, а та и не думала уходить, будто предчувствовала, что разговор будет важный.

– Семен Антоныч, простите, но мы одна семья, – сказала Нина. – Рассказывайте.

Сергачев нервничал, он не знал, как начать разговор. Слова разбежались, мысли путались. Мешало и присутствие невестки.

– Батя, в чем дело? – спросил Юрий нетерпеливо.

– Наверное, меня уволят, – тихо произнес Сергачев, глядя в пол. – Такая глупая история... Школьники макулатуру собирают, носят пачками, а в пачках книги. Библиотечные. Целые книги. Вот. – Достал книгу Распутина, положил на стол. – Я взял еще несколько книг из общей кучи, а меня директриса застукала. Ну, меня обвинили... Всех собак на меня навешали, – произнес Сергачев быстро, с волнением. Ему было томительно на душе от того, что случилось в школе, что подвел сына, что надо искать новую работу и как быстро ему с этим повезет – неизвестно.

Юрий резко прошелся по кухне.

– Они что там, с ума сошли! Увольнять за кусок бумаги! Подожди... – Юрий пристально глянул на отца. – Почему ты решил, что тебя уволят? Ведь приказа еще нет. Что-то ты темнишь, батя.

– Юрка, выбирай слова, – возразила Нина.

– Что тут выбирать!

Юрий взял книгу Распутина, раскрыл ее. – Точно, библиотечная. Может, это штамп библиотеки твоей школы, а ты придумал эту сказочку, чтобы уволиться. Я тебя не гнал на работу, сам вызвался помочь.

– Ничего я не придумал, – сказал Сергачев обиженно. – Какая-то библиотека списала книги, а наши пацанята их в макулатуру... Как есть, так и говорю. А если не веришь... Пойми ты, наконец, это же книги, нельзя с ними так по-варварски... – Сергачев махнул рукой.

Юрий полистал книгу, помолчал.

– Если книги списали, значит, отжили свое, – сказал он. – Значит, это уже не книги, а хлам, макулатура. Тебе больше других надо? – Помолчал. – Вечно ты со своей правдой вляпаешься... Ну, по молодости, понятно, легко глупость сотворить, но ты жизнь прожил, а ведешь себя!..

– Юра! Перестань!

Нина встала и положила руку на плечо мужа.

– Спокойней, пожалуйста.

– Не успокаивай меня.

Юрий отстранился от жены.

К нему в комнату невозможно зайти, завалена книгами под потолок, не пройти, не повернуться. А теперь еще и неприятности из-за них.

Сергачев отстраненно глядел на сына и мечтал только о том, чтобы поскорей остаться одному. Разговора по душам не получилось.

– Пока это моя комната, – по-отцовски миролюбиво сказал Сергачев, – и мне решать, что в ней держать. Я на твою территорию не претендую.

– Семен Антоныч, Юрка, что вы, в самом деле! – Возмутилась Нина – Ну уволят так уволят. Вы свое уже отработали. Ничего, выкрутимся. Первый раз, что ли?

– На этой школе свет клином не сошелся, – так же спокойно продолжал Сергачев. – Пройдусь по району, что-нибудь найдется для пенсионера.

– Ты эту работу месяц искал.

Юрий махнул рукой и вышел из комнаты.

– Не обращайтесь внимания, Семен Антоныч.

Нина присела рядом, помолчала.

– У Юрки на работе неприятности, вот он и завелся с пол оборота.

«Врет, наверное, – решил Сергачев. – Чтобы оправдать мужа. Да Бог с ним, я не в обиде. Прав я хоть тысячу раз, а выходит, что виноват».

– Подвел я вас, вот что обидно, – сказал Сергачев. – Даже месяц не дотянул.

– Ничего, осилим кредит и без вашей помощи. – Нина улыбнулась. – Книга интересная? Такая реклама получилась, что захотелось почитать.

– Серьезно?

У Сергачева потеплело в душе. Он улыбнулся, все также глядя в пол.

– Так я оставлю тебе? Можешь не спешить, я уже читал. Там есть одна повесть... Про дезертира. А после поговорим, хорошо?

– Хорошо.

Нина взяла книгу.

– Когда-то я много читала.

Нина задумалась.

– Любила сказки, приключения. Наверное, потому, что родилась и выросла в деревне, а какая там жизнь, сами понимаете. Вот и улетала в своих фантазиях далеко-далеко.

Сергачев с напряжением слушал невестку и чувствовал, как внутренний душевный дискомфорт все сильнее охватывает его. Сначала разговор казался душевным, приятным для Сергачева, но вдруг что-то сломалось внутри него, он не знал, как поступить: то ли продолжить беседу, то ли промолчать. Еще никогда ему не приходилось так доверительно общаться с Ниной, и эта ее откровенность тяжелым грузом вкралась в его душу, он будто узнал то, чего не следовало знать. Пауза затягивалась.

– Ладно, пойду к Юре, – сказала Нина, вставая. – Надо успокоить мужика перед работой, ему больных принимать.

Сергачев остался на кухне один. Глядел в окно, обдумывал разговор с сыном, с невесткой. Зазвонил городской телефон. Сергачев подошел.

– Семен Антоныч? – услышал он голос завхоза. – Доброе утро.

– Доброе, – сухо ответил Сергачев, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

– Выходите на работу по графику, Елена Сергеевна о вас ничего не говорила. Мы обсуждали другие вопросы. В школе ремонт начинается.

– Спасибо за звонок, Лидия Николаевна.

«Ну, вот, все обошлось, – думал Сергачев, направляясь к себе. – Надо сообщить своим, чтобы успокоились». В коридоре он увидел, что дверь в комнату сына приоткрыта, оттуда отчетливо доносились голоса.

– Не надо было в январе летать в Египет, – говорила Нина. – Столько денег вбухали. Сейчас без кредита обошлись бы.

– Я все продумал, – ответил Юрий. – Знал, что батя не останется в стороне, пойдет на работу. А теперь...

– Так ты все рассчитал! Молодец! – удивилась Нина.

– Что было делать? Я два года без отпуска. Имею я право отдохнуть?

– И обязательно в Египте.

– С тобой, между прочим.

– Я бы обошлась деревней, раз такая ситуация. Поехали бы к моим.

– Как в прошлом году? Спасибо. Вот где твоя деревня, хватит. Твои не помощники, я понимаю. Что взять с деревенских. А тут город, работа есть. Тем более мой старик сам вызвался помочь. Ничего с ним не случится, – говорил меж тем Юрий. Было слышно, как пододвинули стул, кто-то сел на него. – Может, еще не уволят. Проведут беседу, пожурят. За что увольнять? За макулатуру! Да если надо, я сам готов все его книги в школу отнести, помочь им с макулатурой. Господи, если бы ты знала, сколько в его комнате старья! Еще с довоенной поры остались книги, представляешь, и во многих закладки. Для чего?

– Зато у нас в комнате книги только по моей работе, – заметила Нина. – По медицине ни одной. Тебе не интересно узнать что-то новое?

– Новое? – Юрий усмехнулся. – Ангину как лечили сто лет назад, так же и лечат. А если что-то понадобится, в Интернете найду.

Сергачев не стал больше слушать.

«Вот тебе и родная кровь, – изумлялся он, заходя в свою комнату. – Тут тебе и понимание, и защита». Поставил книгу Распутина на полку и долго глядел на нее, будто увидел что-то важное для себя. Усмехнулся, достал чистый лист бумаги и написал заявление об увольнении по собственному желанию.

ПОСЛЕДНИЙ

Старик не спешил.

Давно не было дождя, не подбрасывало с неба даже для приличия чуточку живительной влаги. А ночью с лихвой наверстало и за пропущенные недели, и о будущих днях позаботилось. С избытком налило. Все тропинки и дороги, разбегающиеся в разные стороны от деревни, так размякли, что приходилось ступать медленно, нешироко, твердо ставить ноги на землю. Фигура старика долго маячила на пригорке. Казалось, старик топчется на месте в растерянности, раздумывает, что делать дальше. Вот по-волчьи, всем телом, оглянулся, вот переломился в пояснице назад, чтобы поглядеть на небо. Синий провал сулил солнце и погожий день. Но и в другие дни, независимо от времени года, как бы ни были важны дела, он не торопился покидать деревню, оттягивал до последнего, будто раздумывал – надо ли. Бывало, в пути оглянется – скрылась из виду крайняя хата – защемит сердце, будто навсегда уходит.

Сильно прикипел старик к деревне. Казалось ему, отойдет чуть дальше – порвется нить, которой он связан с этим местом, потеряется в земной бесконечности. Деревня, понятно, – родина, но кроме домов, сараев и бань, сложенных еще предками, кроме огородов, оставались те, кто был ближе всего на свете. Сначала родители, брат. Потом жена, сын, внук. По воле судьбы и времени шла смена поколений, пока не сошла на нет. В доме он остался один. Последней родной кровинушкой оказался внук Ванька.

Когда стала невмоготу такая жизнь – даже невесты днем с огнем не сыскать в округе – разбежались кто в столицу, кто в областной город, кто в район, – парень подался в Минск. Старик не стал его удерживать. В глазах Ивана было столько отчаяния и решимости выполнить задуманное, что старик понял – не найдется ни слов, ни причины отговорить его. Не стал провожать. Чего доброго не выдержит, по-бабьи пустит слезу, и Ваньку, и себя еще больше расстроит. Простились в доме. Скупое, по-быстрому, не глядя друг другу в глаза обнялись. Потом старик сидел на кровати, прислушивался, как удаляется автобус. Погодя встал, нашел красный карандаш и крупно, чтобы видели подслеповатые глаза, написал на обоях: «7 апреля. 2007 год. Ванька уехал».

И потянулась жизнь, как в полусне, размеренная, без суеты и торопливости, когда не надо приглядывать за хлопцем, помогать ему, научать его уму-разуму. Разом постарел старик, сгорбился, ужасся, как губка, из хаты почти не выходил, нехотя впуская почтальона, который приносил ему пенсию. К автолавке выходил так редко, что когда появлялся возле машины, сельчане умолкали, пялились на старика, как на чудо – жив еще? Только двоим разрешалось войти в дом старика без стука – Полине и Гришке, его соседям, его друзьям, таким же старым и покинутым, как он.

– Ну что, Паша, Ванька пишет? – встретила его как-то Полина на улице. – Как устроился? Где работает?

– Пишет, – коротко ответил старик и надолго замолчал, не в силах пересказать соседке то, что было в письме Ивана.

Внук написал деду через месяц после отъезда, и, как покажет время, это письмо окажется единственным. По штампу старик понял, что письмо отправлено из Минска. Про себя Иван, кроме отписки «устроился нормально», ничего больше не

сообщал. Зато длинно и сбивчиво ругал отца за смерть матери, за стыд, который пережил перед деревенскими, за сиротство... Досталось и деду – неправильно воспитал сына, вырастил распутника. Старик трижды перечитал письмо – не пропустил ли чего и, не обнаружив обратного адреса, долго сидел на стуле, уставившись в одну точку. Он понял, что то была даже не обида внука на деда, на отца, которая часто возникает между родственниками. Иван дал понять, что приехать в деревню – значит, вернуться в прошлое, еще раз пережить страдания детства, а этого он не хочет.

– Ванька на Север укатил, – соврал старик Полине после молчания. – Нефть будет добывать. Видать, в Минске не удалось устроиться, или не захотел.

– За деньгой погнался, – предположила Полина.

– Твоя Маруся тоже не в прятки играть уехала в Москву, – усмехнулся Павел.

– И правильно. Пока молодые, здоровы, надо заработать денег. Попробуй купить квартиру в Минске. – Полина вздохнула. – А все ж таки Москва – не Север.

– А толку! Четыре года будет, как уехала, а ни разу дома не появилась.

Старик махнул рукой.

– Ничего, приедет.

Глаза Полина радостно заблестели.

– Москва – не Север. Приедет. Она обещала.

Старик ждал. Не приезда внука – он уже смирился с тем, что этого не произойдет, разве что случится чудо. Он ждал письма, телеграммы, любой весточки от Ваньки, что тот жив-здоров. Осень переходила в зиму, зима в весну, и когда наступал новый апрель, теперь такой важный в его жизни, старик под датой проводил очередную черту. Теперь новый год для него начинался не в ночь на первое января, а в апреле. Потянулись годы, одинаковые, как пасмурные дни, отмеченные красной полосой на обоях, и, наконец, этих отметин набралось семь. Старик посчитал и удивился, что еще жив. В год отъезда внука старику стукнуло восемьдесят. Не о себе он думал. Все, что могло с ним произойти, – произошло, и хорошее, и плохое, нового ничего не будет, и он все глубже погружался в одиночество, где, как он полагал, будет легче встретить смерть. Нет ничего печальней того, когда родные наблюдают твою кончину.

Старик часто думал о Ваньке. Где он сейчас? Как устроился? Может, уже сгинул? Таких, как он, судьба легко ломает, – весь в мать пошел. Та жила незаметно, безропотно сносила измены мужа. Тот, бывало, мог загулять в соседней деревне у какой-нибудь вдовушки. Охоч был и до замужних женщин, за что били его мужики не раз. Мать Вани умерла – то ли от горя, то ли от болезни, – когда мальчику исполнилось десять лет. И отец недолго вдовствовал – погиб в лесу. Говорили, мужики подкараулили, многим насолил. Кто не промахнулся из ружья – знает только лес. Павел хоронил сына в закрытом гробу. Картечь так снесла полголовы, что нечего было приделать.

На погосте рядом с холмиком жены вырос еще один – его сына.

После похорон старик собрал пожитки мальчика, кое-какой скарб и перевез внука к себе. Не забыл и скотину с птицей прихватить, а на дверь навесил замок. Первые месяцы жизни у деда Ванька, бывало, подойдет к родному дому, глянет на замок, на окна – и заревет, а после, испугавшись, что его увидят соседи, убежит за околицу, где даст волю слезам.

Пока внук жил с ним, старик не ходил к дому сына, знал, что Ванька следит за порядком. Но, оставшись один, иногда останавливался у знакомого забора. Поглядит молча, зайдет во двор, оглядится... Все оставалось, как при Михаиле, отце Вани. Кажется, сейчас откроется дверь, и на крыльцо выйдет Анна, мать мальчика.

Тем более не надо спешить на реку, куда Павел сейчас направлялся. Куда она денется? Как бы ни устремила свои темные воды меж заросших берегов, как бы ни пыталась вырваться из этой глухомани – вода то ли возвращалась, отдавая сыростью и холодом, то ли создавала видимость движения, а на самом деле стояла, пошевеливая водорослями. Старик шел к реке проверить корзину – ловушку, которую вот уже два месяца ставил на раков. Не то чтобы он их любил, а шел, чтобы показать птицам, зверью местному, лесу и небу, а главное – Полине и Гришке, что он живой, на своих ногах. Конечно, подправить забор, крыльцо или подняться на крышу, чтобы заделать дыру, он не сможет. Надо было изобразить такую деятельность, чтобы соседи поверили, что старик не просто топчется, а живет, решает свои проблемы. Вот и придумал он ставить ловушку на реку. Попадет рак или нет – дело другое, его вины в этом нет, зато сходил, проверил. Какая-никакая, а жизнь!

Как ни осторожничал Павел, а ноги не шагали – скользили по жиже, как лыжи по снегу. Чтобы не шлепнуться, он балансировал с помощью рук. Со стороны поглядеть – ну просто танцор выписывает кренделя руками. Не совсем, правда, гладко получалось. В одной руке Павла было ведро, куда он обычно складывал раков. Ведро при взмахе руки ударяло по локтю, норовило вырваться. «Синяк будет», – думал старик. К самой воде он спускался еще осторожней, хватаясь свободной рукой за пахучие стебли полыни.

Раньше это была река с сильным течением, и местный люд то ли в шутку, то ли из опасения назвал ее Быстряга. Бывало, на середине подростка сшибала с ног, уносила, как щепку, пока тот, пуская сопли, с натугой дыша не выбирался на берег ниже по течению. В реке обильно водилась рыба, здесь с удовольствием купались местные, а летом, на каникулы, любили приезжать городские мальчишки и девчонки. Часто Павел, будучи моложе, чтобы перебраться на другой берег по какой-либо нужде – лень было идти до моста за три километра – раздевался, ужимал одежду с обувью в кулаках и, подняв руки, переходил реку вброд. Однажды из интереса он решил посчитать шаги – их оказалось двадцать пять. С тех пор это стало его привычкой, пока однажды он не закончил счет на двадцати шагах. А за два месяца до отъезда Ваньки он пересек реку за пятнадцать шагов. Печальные мысли посетили старика – река высыхала. «Что случилось с тобой? – думал он. – Торопишься умереть? Я первым уйду, я теперь никому не нужен. А как же без тебя рыбе, лягушкам, ужикам... Нет, я первым».

Теперь Павел смело переходил реку. Поток был настолько слабым, что его течение уже не чувствовалось... И вдруг усыхание реки остановилось на пятнадцати шагах. Старик задумался – почему? Тайну раскрыл Гришка, сосед старика.

В молодости Гришка жил и учительствовал в соседней деревне. Влюбился в местную библиотечаршу, женился. А полгода спустя его Лида сбежала с чиновником из района. Гришка погоревал, продал дом и переехал в их деревню, чтобы ничто не напоминало ему о первой и последней любви. Гришка много знал. Как начнет говорить – заслушаешься. И этот Гришка, побывав по делам в верховьях

реки, рассказал, что весной в те места, где река подступает к болотам, пригнали трактора, машины, и болота стали исчезать.

– Эти болота, – говорил Гришка, – присунулись к реке, чисто поросята к матке, непонятно, кто кого сосет. А нынче трактора и машины уехали, а народ местный остался, как бабка в сказке, у разбитого корыта: раньше по болотам промышляли клюкву и голубику, а теперь ни того, ни другого нет. Остались котлованы грязи, в которых даже лягушки не хотят жить.

Так Быстряга и сохранила свои воды, пусть и не такие шустрые, как прежде... Месяц спустя после этого разговора Гришку снесли на погост. Смерть взяла его не тягучей болезнью, а наскоком – в один вечер управилась. Павлу помогала Полина – к этому времени никого больше не осталось в деревне. Водрузили ящик с телом на тележку и покатали. Павел тащит, Полина толкает сзади. У старика сил не хватило, чтобы выкопать глубокую яму, с трудом впихнули ящик, присыпали. Ни креста с табличкой, ни оградки... Даже холмика, положенного в таких случаях, не получилось – так, взгорок из песка. Как жил Гришка тихо, незаметно, так и закончил свои дни. Выпала ему судьба бобылем тянуть свой век, через забор любоваться соседскими детишками.

– Хорошая у Гришки смерть, быстрая, без мучений, – сказал Павел. – Мне бы такую.

– Легкую смерть нужно заслужить, – ответила Полина. – Ты помолчи щас, не встревай.

Полина прочитала две молитвы.

– Откуда ты знаешь молитвы? – удивился старик. – Я никогда у тебя дома не видел церковных книг.

– Бог у меня в сердце.

– Почему твои молитвы такие короткие?

– С Богом надо долго жить, но не разговаривать. Нельзя его отвлекать, у него много других забот.

– Сколько тебя знаю, столько и удивляюсь, – старик рассмеялся. – Скрытная ты, какой была, такой и осталась.

– То, что живет в сердце, нельзя афишировать,

– Помню, померла Степаниха, потом Авдеевна... Многие померли. Но ты не читала молитв возле их гроба.

– За них молились их сыновья, дочери, а у Гришки никого не было.

Сейчас, сидя у реки, Павел подумал о том, что зря он когда-то затеял игру с рекой – кто раньше умрет. Зря, а главное – нехорошо. Смерть или жизнь – то забота судьбы, а она дама капризная, мстительная. Может, и отомстила, только ошиблась, не его, а Гришку прибрала.

Старик быстро нашел свое место, где обычно добывал раков. Здесь река клином врубалась в берег, образуя яму. Туда и опускал он корзину, бросив в нее печеный картофель. Старик не боялся, что кто-то набредет на его ловушку – чужие в этих местах отродясь не ходили, а из своих некому. И раньше, когда в деревне дворы ломались от жизни, воровства или другого лихоимства меж соседней не случилось. Старик присел на камень, глядел на воду. Здесь было просторно его душе, как телу в комнате, в которую еще не внесли мебель. Здесь ему легко думалось, воспоминания обретали четкие образы, будто течение черной воды и тишина камышовых зарослей питали его мозг, делали его мысли ясными, а память мо-

лодой. Воспоминания, даже если они были не о радостных событиях, никогда не огорчали Павла, он воспринимал их без душевного надрыва – все в жизни от Бога, принимай, как складывается. В этом месте прошло его детство, юность; здесь с пацанами и девушками купались, играли с мячом; здесь часто засиживался до рассвета с Зинкой, своей невестой.

Павел подошел к воде, ухватился за веревку и с силой потянул вверх. Корзина выплеснулась на берег, а вместе с ней щука – длинная, узкая, с белым брюхом. Растерялся – такого подарка он не ожидал. Щука лежала на боку, глядела на старика одним глазом, хватала зубастой пастью воздух. Пока старик соображал, что делать, щука подпрыгнула, перевернулась и шлепнулась у самой воды. Старик понял: еще одна попытка щуки, и она станет воспоминанием. Он ногой отфутболил рыбину в траву.

– Теперь кувыркайся, зубастая. Мне торопиться некуда.

Можно было бы убить щуку палкой да быстрее вернуться домой, но старик не решился на это. «Большая попалась, наверное, такая же старая, как я, – думал он. – Пусть сама умрет, я к ней не притронусь». Обо всем, что было связано с забоем скота или птицы, Павел просил соседей и на время уходил со двора. «И откуда у него эта блажь? – говорили деревенские меж собой. – Испокон веку известно, что домашний скот и птица предназначены человеку в пищу, чего церемониться». Думать-то думали, но не осуждали старика, понимали, что у каждого своя слабина найдется. Старик один знал, как и когда эта «блажь» засела в его сердце.

Всю жизнь он был при лошадях. Однажды случилась беда – заделывал он как-то дырку в крыше конюшни, уронил лист железа, и тот так спланировал вниз на жеребенка, что у того не оставалось никаких шансов остаться живым. Чуть не задохнулся тогда молодой конюх от жуткой картины: лежит голова жеребенка в стороне от тела и моргает, будто спрашивает: за что?

С тех пор старик приближался к скотине и птице только с мирными намерениями – покормить, налить воды или загнать в хлев. Тем более, зачем махать палкой – щука не замышляла зла против него, она же рыба, живет в другом мире. За эти минуты он даже полюбил щуку за изящество ее формы, за проворство, с каким она охотится.

– Я знаю, щука, ты хочешь жить, – сказал Павел. – В старости все понимают цену жизни, даже рыбы. Но я не отпущу тебя. Прости.

Больше он не стал говорить – вдруг рыбы понимают язык людей, – а только подумал о том, что такая огромная рыбина – это для него и Полины целая неделя вкусного мяса. Последний месяц они ели картошку и свеклу, а сало, купленное в автолавке, закончилось. Давно не приезжает автолавка в деревню. «Наверное, – думал старик, – машина сломалась, а починить – руки не доходят. Жаль, что Ванька уехал. Он бы починил, у него руки из правильного места растут».

Павел ждал. Солнце уже подтянулось к середине неба, а щука не умирала. Все также бестолково раскрывала пасть, раскрывая жабры, пытаясь вдохнуть.

– Странно устроена жизнь! – вдруг воскликнул он, глядя на щуку. – Вокруг столько воздуха, а тебе его не хватает. Ты умираешь потому, что рыбам не положено жить на земле, земля для людей, зверья всякого, птиц... А как задыхалась моя Зинка, когда ее мучила проклятая астма! Я и окна в доме открыл, и двери, а она задыхалась. Обманул я свою жену, понимаешь. Обещал первым помереть...

Павел махнул рукой и умолк. Щука еще раз ударила хвостом, но так слабо, что он не заметил. Из реки выпрыгнула рыбешка и с плеском шлепнулась обратно.

– Послушай, как радуется река, что ты помираешь. Небось, не одну сотню рыбешек сожрала. Теперь отливаются тебе рыбкины слезы.

Старик улыбнулся. Ему понравилось, как он ловко переделал поговорку. Пошел вдоль берега, чтобы найти проволоку. В своем ведерке он не сможет унести такую большую рыбу, а проволоку проденет сквозь жабры. Ему повезло – он быстро нашел кусок ржавой, но еще крепкой проволоки. Когда продевал ее сквозь жабры, щука укусила его за палец. На коже выступили капельки крови.

– Странно, почему я не чувствую боли? – покрутил пальцем. – Эй, щука, может, я уже не живой, не тутошний, а тамошний, небесный, и ангелы решают, куда определить мою душу.

Старик усмехнулся, оглядел вокруг себя ширь, заполненную лесом, полями. Вон его деревня, отгородилась черными гнилыми заборами от всех, будто чуралась и старика, и реки, и леса. Вот проплыло облако, бросив тень на реку... Нет, он еще жив, вернется в свой дом, порадует запаха непрветренной комнаты, пожелтевшим обоям, цвет которых не помнит, по привычке остановится перед широкой рамой на стене, в которой за стеклом прячутся фотографии тех, кого любит и помнит. И хотя его глаза уже не различают, кто на какой фотографии изображен, старик помнит, что в левом верхнем углу его брат, погибший в первый месяц войны; рядом мать и отец, а правой он сам с Гришкой... Старик знал, что некоторые фотографии были для него неузнаваемы, но не убирал их, понимал, что раз они находятся здесь, эти люди были близки его родителям, значит, это часть и его жизни.

Павел не стал заходить домой, а сразу направился к Полине. Калитка у соседки никогда не закрывалась. Толкнул ее ногой, подошел к окну, крикнул:

– Эй, соседка! Выходи! – помолчал, сказал сам себе, уже тихо. – Сейчас старая ахнет. Интересно, как она ее приготовит. Если разумно, щуки хватит на несколько дней.

Он представил, как Полина начнет хлопотать возле печки, а он сядет за стол и будет глядеть на нее с торжеством добытчика. Прошло несколько минут, дверь в доме не открывалась. Старик поднялся на крыльцо, отворил дверь.

– Эй, соседка. Спишь, что ли?

Тишина. Он поставил пустое ведро на крыльцо, не выпуская из руки щуку на проволоке, зашел в дом. Прошел сени, оказался в комнате, полной застоявшегося запаха дерева и гнилой бумаги. Кто-то лежал на кровати, сложив руки на груди. Между зеленоватых пальцев торчал крест. Старик приблизился.

– Господи, Полина померла. Что же я буду делать с рыбой?

Он не удивился. За последние годы старики и старухи в его деревне умирали один за другим, будто очередь заняли, торопились. Повидал эти лица, одинаковые в своей неподвижности, заостренные, как у птиц, с крупными, будто вырезанными ножом неумелой рукой, ноздрями, и теперь вид мертвой Полины его не удивил, не испугал. Старик оглядел комнату. Блеклый свет просачивался сквозь окна, тускло освещал образа в углу, комод, кровать и стол. Старое трюмо было забрано черным покрывалом. На столе лежала перевязанная ниткой тряпица. В ней оказались деньги.

– Много-то как! – удивился он. – А зачем они мне? Приготовилась, значит, Полина. А меня не позвала. Может, звала, да я не услышал. Так гремело вчера, будто земля раскололась. Нечего было сказать, вот и не позвала. Скрытная она была, просто ужас. Даже когда Маруся, дочка ее, сбежала, нам с Гришкой только через три дня сказала.

И тут старик увидел на полу листок, вырванный из тетрадки. Поднял, поднес ближе к глазам, прочитал: «Последний наказ тебе, Паша. Яму я подготовила, как могла. Плохо получилось, неглубоко, как у Гришки. Ничего, теперь нас двое, ему не так обидно будет. Если вода в яме, то накидай веток. Не хочу в мокром лежать. Дверь в хате не забивай, закрой на крючок. Чтобы Маруся сразу зашла, не мучилась. Образа в гроб не клади, Маруся их любила, мне еще от бабки остались. Гроб в сарае стоит. Лопата на кладбище, под ветками, возле могилы Никиты Смоляка. Лопату потом не забудь. Лопата почти новая. Живи еще, как сможешь, не поминай лихом».

Павел едва не заплакал. С Гришкой не получилось по-человечески проститься – Полина позвала, когда тот уже отошел. Теперь вот Полина запиской отмахнулась... Подошел к образам в углу комнаты, стал глядеть на Богородицу с младенцем на руках.

– Понимаю, ни ты, ни твое святое семейство в людскую жизнь не вмешиваетесь, – с укором в голосе произнес старик. – Вам только души подавай. Ладно, не серчай. Возьми ее в царство небесное, небось, заслужила. С детства, почитай, в колхозе работала, хорошо работала. В деревне никого не обидела, уважали ее. Ежели в раю с местами туго – мое отдай. Я обойдусь.

Павел умолк, глядел все так же пристально на образа, будто ответа ждал. «Может, мне не положено место в раю, а я в нахалку полез, – думал он. – Нехорошо получилось».

– А ты похожа на Полину, – продолжал старик, – как-то я не обращал внимания. Хотя... Прости, Христа ради, разве я глядел на иконы? Я и на живых баб-то, кроме Зинки, ни на кого не глядел.

Старик вышел из дома, сел на крыльце, чувствуя телом, как нагретое солнцем дерево отдает тепло. Щуку положил рядом, белым брюхом вверх. Потом встал, прихватил рыбину, направился в сарай. Справа от двери он увидел гроб, приклоненный к стене.

«Хороший гроб, доски ладно сбиты, струганы аккуратно. Вижу, соседка, основательно приготовилась. Чтобы мне меньше забот. – Провел рукой по доскам. – Сухие. Давно сколотили. Но когда? Кто постарался? Ага, Никита, не иначе. Кому еще придет в голову такая фантазия, чтобы для Полины, которая от силы доставала головой до груди старика, сколотить гроб в два метра! Интересно, сколько он содрал с нее? Тот еще жук был! – И тут старика осенила важная мысль. Сначала он насупился, глубоко вздохнул и вдруг рассмеялся: – А гроб-то такой длинный на тот случай, если я первый окочурюсь».

Старик вышел из сарая, полный разных чувств, и сразу не заметил пса. Только когда тот зарычал, старик остановился, поднял глаза. Рыжая вислоухая дворняга стояла в метрах пяти от него, жадно втягивала воздух носом и косилась на щуку.

– Я решил, что совсем один остался. Ошибся, слава богу.

Улыбнулся.

– Откуда ты? У нас давно нет собак. Наверное, от соседей прибежал. Еду почувствовал и прибежал. Неужто там никого не осталось?

Помолчал.

– Так и быть, поделюсь с тобой, больше не с кем. Только мне большая часть, я рыбу добыл.

Пес не громко зарычал, облизнулся.

– Рычи, рычи... Не хочешь по-хорошему – ничего не получишь.

Старик поднял палку.

– Я не погляжу, что ты живая душа, поколочу.

Пес нехотя отошел в сторону.

– Ты один в деревне? Как тебя зовут? Шарик?

Пес гавкнул.

– Понятно, всех бездомных собак кличут Шариками. Интересно, бездомных людей тоже зовут одинаково? – старик помолчал, подумал. – Говорят, они в городе живут, там домов мало, а людей много. Вот и не хватает на всех. У нас, слава богу, бездомных не было, все в домах жили. Надо в доме Полины дверь хорошо закрыть, может, еще где-то бегают Шарики. Как бы до тела не добрались.

Он закрыл дверь на крючок, пошел со двора. Пес шел следом. Позади них несколько раз звонко ударило, зазвенело стекло. Старик обернулся. Ветер хлопал форточкой по раме.

– Полина зовет. Думает, я ее бросил. Глупая.

Глубоко вздохнул, крикнул:

– Рыбу домой занесу, и вернусь. Помню я про тебя.

Снова налетел ветерок, опять несколько раз стукнула форточка по раме.

– Что ты поделаешь!

Повесил проволоку с рыбой на плетень, вернулся к дому. Сломал ветку на дереве, заложил между створками и форточкой и крепко прижал.

– Теперь нормально.

Старик оглядел ставни, сказал ласково дому, будто обращался к ребенку:

– Ничего, проживем еще. Помню, приехали к нам из района трое хлопцев, переписали всех, кто еще оставался в деревне. Десять человек набралось. Стали нас звать на зиму переехать к ним в интернат на все готовое. Вроде, мы сами уже ни на что не годные, и государство нам оказывает такую помощь. А Гришка, тогда еще живой был, возьми и спроси: а хаты наши с нами заберете? Как же мы живые дома наши бросим? Отказались мы. Никита, правда, согласился. Одну зиму пожил, а после ушел. Говорит, все чужое. И люди, и столы... Старик помолчал, погладил бревно и продолжал так же тихо: – Так вышло, что я последний из нашей деревни остался, а раз так, я никогда не помру. Так устроен закон, что жизнь должна продолжаться. И ты будешь жить, и дом Гришки, и Степана, и Марьи и Никиты... Я вас не брошу.

Между тем Шарик надоело ждать обещанного угощения. Он подошел к забору, встал на задние лапы и жадно оттяпал половину шуки. Поджав уши, быстро шмыгнул за кусты смородины. Павел вернулся за рыбой. Поглядел на то, что осталось, поискал глазами собаку.

– Ну, как договорились, Шарик. Ты свою долю получил, мы в расчете. Только нехорошо получилось, по-воровски.

На дороге, за домом, заурчало, зафыркало и стихло.

– Неужто автолавка! – обрадовался старик и заспешил на улицу. Перед ним стояла черная легковушка, отсвечивая блестящими боками. На таких машинах еще лет десять назад, пока оставались живы старики в деревне, приезжали проводить родных некогда деревенские, а теперь городские парни. Случалось в иную субботу столько набивалось всяких иномарок – не пройти. Морда этой машины напоминала щуку, когда та хватала зубастой пастью воздух. Сквозь переднее стекло были видны двое – пассажир и водитель. Из машины никто не выходил. «Наверное, их деревня напугала, – думал старик. – Дома есть, а людей нет. Жаль, что не автолавка. Я бы колбаски купил себе и Шарикку. Пригодились бы деньги Полины. Помянули бы. Самогон у меня остался еще от Гришкиных поминок». Дверь в машине открылась со стороны водителя, вылезла молодая женщина, завертела головой по сторонам.

– Эй, дед, народ где?

– Нету.

– Я вижу, что нету. Спрашиваю, где он?

– Там. – Старик махнул рукой в сторону кладбища.

– А ты кто?

– Последний.

Женщина нагнулась к пассажиру, что-то сказала. Минуту постояла, села в машину, хлопнула дверью. А Павел не сводил взгляда с пассажира, слушал, как сердце его радостно забилося – все сильнее и сильнее. «Господи, – думал он, – с чего бы это?»

А в это время за стариком наблюдал тот, кто сидел справа от водителя. Он был молод, коротко стрижен, одет в модную курточку.

– Не может быть! – прошептал парень. И вдруг вжал голову в плечи и нагнулся вперед так, будто прятался от кого-то или искал что-то на коврике под ногами.

– Что с тобой? – спросила женщина. – Тебе плохо?

– Уронил вот... Поехали.

– А как же дом? Даже не поглядим?

– Вот пристала с этим ... – Мужчина громко выругался. – Поехали!

Машина резко взяла с места. Старик едва успел отскочить. Легковушка вывернула на большак.

– Найдем дом для твоей дачи в другой деревне.

Мужчина уже сидел ровно, глядел вперед.

– Слушай, Ванюша, – женщина сделала паузу, глянула косо на соседа. – Не моя, а наша дача. Пора привыкнуть, что мы уже семья. И не надо грубить!

– Прости. Сорвалось. Давал себе слово никогда не появляться здесь. И вот... – Мужчина помолчал. – Никого не хочу видеть.

– Ну, хозяин барин. Сам привез сюда.

– Ладно, не злись. – Мужчина погладил женщину по плечу. – Скорей всего наш дом уже ни на что не годится. Семь лет без присмотра.

– Ты же говорил, что дед оставался.

– Наверное, помер уже. Ему восемьдесят было, когда я уехал.

– А этого старика знаешь?

– Нет. Приблудный какой-то.

– Мне просто хотелось поглядеть на дом, в котором родился мой муженек.

– Хата как хата, ничего особенного. –

Голос мужчины сник, он стал глядеть в окно.

– Куда дальше ехать?

– За тем деревом бери влево. Там должна быть деревушка. Может, кто живой остался. Там и сторгуемся.

А старик как отпрянул от дороги, так и опустился на придорожный пенёк. В его молодости возле дороги росла береза. Когда она вытянулась, раскинула ветки, которые стали мешать проезду, дерево спилили. Теперь старик сидел на пне и прислушивался, как колотится его сердце.

– Ишь, разошлось как! – усмехнулся старик, прикладывая руку к груди. – Будто птица в клетке. Ты что, Ваньку почуяло? Да нет, что ты! Ванька далеко, дай Бог ему счастья. Ну-ну, уймись. Еще помру, а мне нельзя.

Но сердце не послушалось старика и остановилось. Старик повалился на бок и уже не чувствовал, как пес сначала лизал ему руки, потом лицо...

Минуту спустя страшный собачий вой, сродни волчьему, наполнил ужасом пустую деревню.

...Машина свернула с большака на проселочную деревенскую дорогу и остановилась.

– Что случилось? Почему стоим? – спросил мужчина.

– Я поняла, – тихо ответила женщина.

– О чем ты? – парень с удивлением поглядел на жену.

– Я поняла, почему ты нырнул вниз, спрятался под сиденьем. – Женщина усмехнулась, покачала головой. – Этот старик – твой дед?

Мужчина молча отвернулся и стал глядеть в боковое стекло автомобиля.

– Я угадала. Этот старик твой дед. Вернемся?

Мужчина молчал. Молчит до сих пор.

Валерий НЕхай родился в Балхаше в 1951 г. в семье военного. С 1967 г. проживает в Минске. Окончил филологический факультет Белорусского Государственного университета. Печатался в журналах «Беларусь», «Польмя», «Маладосць» (все три на бел. языке), «Нёман», «Белая Вежа» – на русском. Автор трех книг прозы. Член Союза писателей Беларуси.

